

Игорь Персианов

Писатель, преподаватель истории. Родился в Ленинграде в 1973 году. Учился в экспериментальной школе АПН СССР № 157 с углубленным изучением английского языка, окончил художественную школу № 6. В 1995 г. с отличием окончил факультет социальных наук РГПУ им. А. И. Герцена. Совмещал работу учителя истории в школе № 157 с учебой в институте, а потом – в аспирантуре Института образования взрослых РАО, занимал должность доцента на кафедре андрагогики в Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования. В настоящее время работает заместителем директора гимназии № 157 им. принцессы Е. М. Ольденбургской по воспитательной работе и учителем истории. Учитель высшей категории, кандидат педагогических наук, победитель Всероссийского приоритетного национального проекта «Образование» (2009), награжден знаком «За гуманизацию образования» (2008), звание «Почетный работник общего образования РФ» (2014). Автор публикаций по истории, педагогике и методике преподавания социальных дисциплин. С 2009 г. пишет прозу, а также работает в жанре акварели.

Экзаменационные сюрпризы

Прохладным, но солнечным утром я бодро шагал от метро к школе, где было намечено проведение экзамена. Ученики не имеют права сдавать ЕГЭ в своей школе, и учителя сопровождают их к пункту проведения экзамена.

Здание этой школы примечательно тем, что построено еще до революции, многие предметы прошлого сохранены в музее. Здесь снимали эпизоды фильма из 1990-х. Школа там предстала в качестве экономического лица, порожденного суровым ветром рыночных реформ. Ученики носили бабочки, как и положено настоящим буржуям, а по стенам висели портреты экономистов и воротил бизнеса. Но не будем отвлекаться.

У школы собрались мои ученики. Почти все пришли заранее. Юноши — в темно-синих костюмах, белых рубашках и белых же кроссовках. В костюме пришел даже выпускник, который в школе обычно появлялся в трениках. Девушки, напротив, были одеты в вольном стиле, хотя в школу ходили в форме.

Перед экзаменом обсудили вариант, который писали на Дальнем Востоке. Выяснили, каковы были причины свержения Лжедмитрия I, почему Шуйский не продержался на троне, что такое меркантилизм, что общего в политическом развитии России и Франции во второй половине XVII в., каковы были взгляды на политическое устройство у французских и русских революционеров конца XVIII — начала XIX вв.

Учеников организованно поглотил пункт проведения экзамена, или ППЭ, а сопровождающие учителя остались одни с пакетами ученических смартфонов. Нас разместили в столовой. Учителя подобрались разные: молодые и не очень, женщины и даже мужчины. Несколько модных барышень открыли ноутбуки, поставив рядом бумажные стаканчики с кофе, кто-то достал наушники, многие — книги, ну и телефоны, разумеется. Воцарилась тишина. Сидим.

Неожиданно тишину прервало появление бабушки — технической служащей. Она громогласно сообщила, что у нее для нас объявление. Все насторожились.

— Так, что хочу вам сказать, — заявила бабушка. — Я была сейчас в туалете. Прямо на полу лужа. Детей в школе нет, только вы. Значит, вы и... (Последовала ненормативная лексика). Стыдно должно быть!

Немая сцена... Впрочем, посещение туалета показало, что лужа в углу имела нечеловеческое происхождение. Скорее всего, протек унитаза. Законы баллистики не позволили бы описать такую дугу. Но, как говорится, слово не воробей, — обвинение повисло на сопровождающих педагогах.

Вскоре пришла сотрудница ППЭ и, обращаясь к нам, сказала, что наши дети по десять минут и более сидят в туалете со шпаргалками и что мы просто обязаны принять меры. Мы возразили, что не можем подняться выше первого этажа, не можем и позвонить детям. Если сотрудникам ППЭ хочется, то только они и могут проявить педагогическую бдительность... Вновь установилась тишина.

Вспомнились «откровения» из ученических работ. Ответ на задание написать о деятеле культуры своего региона: «Пушкин учился в Красносельском лицее во время Гражданской войны 1812 г.». Бедный Пушкин, тяжело ему было, наверное. Еще вариант: «Пушкин учился в Царскосельском университете». Получал высшее образование... В одной работе отмечено: «Пушкин — известный писатель России». Трудно спорить: действительно известный!

Так же знают ученики и творчество Достоевского: «Он написал множество произведений, например, "Преступление и наказание", "Идиоты"». Жаль, что последний упомянутый роман прошел мимо меня.

Школьники дали оценку произведениям Ахматовой: «Анна Андреевна написала большое количество душераздирающих поэм». Рассказали о Шувалове: «Шувалов стал выдающимся меценатом. Жил в Москве, но открыл в Ленинградской области под Санкт-Петербургом Академию художеств». Непросто далась учащимся и тема хрущевской оттепели: они утверждали, что стиль управления Хрущева — «гедонизм», вариант — «волнотаризм». Название периода дала повесть писателя «Ориенбурга» (варианты: «Эренбука», «Эрэнбурга»). Указывали, что Хрущев занимался «выпуском заключенных», «отпущением репрессированных», «дестерилизацией», поднимал «цилину» (или «целену»), стал «невидимым помощником советских граждан»...

Заметил, что по столу бегают какие-то жучки. Решил пересесть за другой стол, но на новом месте вскоре заметил таракана, рыжего усача. С третьей попытки я его прихлопнул, однако на смену прибежал новый. Шлепнул и второго, довольно ловко.

Наконец, стали приходиться за телефонами ученики. Задавали вопросы, чтобы удостовериться, правильно ли ответили. К сожалению, некоторых невольно пришлось огорчить, а кого-то обрадовать. Выяснили, что вокруг Киева жили поляне, Ливонская война была не при Алексее Михайловиче, а Смоленск стоит именно на Днестре. Я подтвердил, что Любовь Орлова снималась в «Веселых ребятах», а Владимир Высоцкий — в фильме «Вертикаль». Уточнили про «злой город» Козельск, про вотчины, Табель о рангах, политику коллективной безопасности и операцию «Уран».

Составители заданий сумели удивить меня тем, что в открытом вопросе поинтересовались фамилией режиссера фильма «Покаяние». Не думаю, что среди молодежи много знатоков перестроечного кино. Стал вспоминать, смотрел ли я сам фильм Абуладзе. Наверное, все-таки смотрел. Посочувствовал экзаменующимся: вот уж действительно «никому не объять необъятное». Главное же — бессмысленность гонки за баллами ЕГЭ: нет большой разницы, получит ли вчерашний школьник 60 или 80 баллов, все равно их не хватит для учебы на бюджете.

Так или иначе, все разошлись по домам, довольные или не очень. А я с легким сердцем и ощущением свободы поспешил в свою гимназию.

Человек с флажком

Учитель — это профессия сродни станционному зрителю. Кажется, так называется человек, который стоит с желтым флажком на перроне. Год от года мимо проносятся поезда. Мелькая огнями, они везут людей в другую, манящую жизнь. А ему стоять здесь со своим бестолковым флажком, выполняя странную, малозаметную и, возможно, даже ненужную работу. Он не машинист и не пассажир, он — нелепая фигура, зябнущая на перроне.

Думаю, многим, работавшим в школе, такой образ показался бы точным. По крайней мере, в те моменты, когда тяжело. Накопившаяся усталость, щелчки от начальства, коллег, учеников и их родителей, бесконечные пачки тетрадей, невысокая зарплата, отсутствие зримых результатов труда — все это вместе и по отдельности наводит порой на грустные мысли.

Конец недели, конец дня, суббота. Уроки позади. Собрания нет, можно уйти пораньше. Надо бы еще проверить до конца ученические работы — их осталось около десятка. Делаю это с трудом. Прочел в одной из работ, что «впервые в мире рабство было отменено именно в США». Не знал о таком. Н-да... Среди аргументов в пользу отмены рабства несколько раз попался такой: «рабов надо освободить, чтобы стало больше наемных рабочих, и можно было им меньше платить». О, юные искатели выгоды! Практичные дети! А ведь вы, наверное, правы... Узнал также, что фермеры «выращивали продукты, в том числе — крупу и животных». Молодцы, конечно, эти фермеры. Из последних сил выставляю оценки в электронный журнал.

Вспомнил, что надо еще отчет отправить. Коллега написала, что больше не будет готовить мне «рыбу» для отчетов, так как я «злой». А я всего-то прислал цитату из ее же варианта, где были указаны таинственные «сучащиеся». Думал, что вместе посмеемся. Не получилось. Надо теперь отчитываться о работе с этими «сучащимися» самостоятельно. А хотелось бы уже двигаться к дому, где можно поесть и поспать. Составляю табличку о том, как мы оказывали правовую помощь школьникам с помощью адвоката и сотрудника полиции. Нужна еще «фотофиксация». Фото с полицейскими всегда хорошо выходят, так как форма выделяет их из массы обучающихся. Начальство велит подписывать в редакторе, что изображено на фото. Делаю это без огонька. Нажимаю «отправить»... Еще час прошел.

Покидаю, наконец, любимые стены. На улице уже темно, сыро. Сквозь черное кружево деревьев белеет громада Смольного собора. Рукава продувает ветер. Мелькает мысль о том, что зимой мне в этой

куртке будет холодно. Плечусь на остановку. В автобусе чуть не засыпаю. Пошел дождь. Ноябрь. Конец дня. Конец недели. Почти конец года.

Помню, как в середине 2010-х выпускной класс предъявил свой сценарий выступления на «Последнем звонке». В этом сценарии противопоставлялись две картины будущего. В первой картине желаемого завтра все выпускники становились бизнесменами, топ-менеджерами, звездами кино и политиками. Вторая картина представляла собой антиутопию, в которой будущее сулило им роли дворника, алкоголика, милиционера и... учителя. Причем не просто учителя, а учителя того предмета, который вел их классный руководитель. Когда старшекласников мягко попросили подумать над сценарием, они, искренне считая, что все поняли, заменили в тексте учительницу истории на... учительницу физкультуры. Что-либо объяснять дальше не имело смысла. Похоже, для этих школьников учитель — то же, что «человек с флажком». В обществе, где деньги являются мерилем успеха, образование воспринимается как услуга, а учительство служит объектом манипуляций со стороны разных начальников. Низкий престиж профессии учителя в глазах молодежи — явление вполне объяснимое.

Что греха таить — мы сами, получая педагогическое образование в 1990-е годы, не очень-то планировали связать свои судьбы со школой. При выборе факультета важен был предмет изучения, а не будущая учительская стезя. Брать в библиотеке книги по педагогике было немного даже стыдно. Другое дело — по истории...

Учителем я стал в известной мере случайно. Будучи студентом четвертого курса, зашел в свою школу 1 сентября. Директор совместно с бывшим классным руководителем уговорили меня «попробовать» вести уроки истории Санкт-Петербурга в начальной школе. Так вот и «пробую» уже больше двадцати пяти лет...

Временами кажется: школа — то место, где все по-своему несчастны: учителя, дети, родители и администрация. Учителя лишены рычагов воздействия на детей, уязвимы перед учениками и их родителями, легко становятся объектами травли. В моей школьной практике был случай, когда мама одной ученицы писала жалобы во все инстанции на учителя, якобы та необъективно выставляет удовлетворительные оценки. По ее требованию девочку перевели в другой класс. Но и там эта мама нашла новую жертву в лице другого учителя и стала опять писать жалобы. Приходили комиссии для разбирательств. Стоит отметить, что инспектор из Комитета по образованию заметила приватно, что за такие работы она поставила бы ученице два, а не три.

Учителей шельмуют в родительских «чатах», обсуждают дома с детьми, школьники глумятся над педагогами в социальных сетях, выкладывают видео, делают коллажи, издеваются, пользуясь анонимностью и безнаказанностью.

Вспоминается ситуация, когда пожилая и уважаемая учительница решила на увольнение после того, как ученик девятого класса нарочито рыгал во время ее уроков литературы. Она поняла, что лучше уйти, чем сорваться и получить сердечный приступ.

В последнее время вызов родителей в школу стал бесполезной мерой. В большинстве случаев родители переходят в наступление, отвергают очевидное и вменяют вину учителю.

Школьники, в свою очередь, перегружены домашними заданиями, имеют всего один выходной день, сильно устают. Школьных знаний, как правило, не хватает для получения высоких результатов на экзаменах. Ученики выпускных классов вступают в гонку за баллами ЕГЭ, занимаются на курсах и с репетиторами. Но для большинства обучение за счет госбюджета все равно оказывается недостижимым.

Родители учеников начальных классов вынуждены «сидеть» с детьми над уроками, приспосабливаться к школьному расписанию. Порой они впадают в отчаяние из-за неспособности помочь ребенку в решении конфликтов с учителями и одноклассниками.

Но не будем унывать. При том, что в школе все по-своему несчастны, все обитатели школьного сообщества могут быть одновременно и счастливыми.

Для учителя школа — это возможность увлеченно делиться своими знаниями, радоваться пониманию, эмоциональному отклику, учебным успехам детей. Это возможность и даже необходимость быть не только преподавателем, но и немного актером, психологом, конфликтологом, администратором, режиссером... Как говорил один мой товарищ: «Здесь ты занимаешься любимым делом, за что тебе еще и деньги платят». Радует, если выпускники добиваются профессиональных высот, если спустя много лет слышишь от них слова благодарности. Пребывание детей в школе позволяет родителям спокойно работать, хотя бы пока их чада сидят на уроках.

В нашей гимназии преподавал замечательный учитель литературы — Андрей Владимирович Бармин. Прекрасный предметник, он также руководил театральной студией, писал сценарии, пьесы, стихи. К несчастью, жизнь его оказалась очень короткой... Мы когда-то много говорили о пути учителя, о его роли. В ответ на мои пессимистические рассуждения про «человека с желтым флажком» Андрей написал шуточное стихотворение.

Кто-то, может, и смотритель,
И с флажком всю жизнь стоит.
Прносящимся составам
В хвост задумчиво глядит...

Нет, учитель — труд особый,
Вне канонов и времен,
Вне любых стереотипов,
Вне сравнений всяких он.

Но, коль к образу вокзала
Персианов так привык,
То учитель — не смотритель,
А скорее проводник.

Но не тот, что чай в вагоне
За полтинник продает!
Проводник в начальном смысле —
Тот, кто путь укажет вам,
Кто ведет своим примером
К светлым далям и мечтам!

Делая то, что должен, пытаюсь заинтересовать, побудить к размышлениям, помогая почувствовать, — я верю, что усилия не напрасны, что слово отзовется. А наградой будут добрые слова об учителе, возможно, похожие по настроению на те, что встретились мне в школьной газете:

«Все внимание класса — на Вас, и никто не может усомниться в Вашей любви к своему предмету. Насколько же идеально Вы ориентируетесь в материале, во всех датах и событиях, ответы на сколько вопросов Вы знаете, а главное — Вы всегда готовы этим делиться. Сколько времени и сил Вы тратите для того, чтобы мы все лучше усвоили! Ваша увлеченность, горящий взгляд, готовность выслушать даже глупейший вопрос и все разъяснить, разложить по полочкам... За юмор, артистизм, строгость, забавные фразы, за ту страсть, с которой Вы преподаете — за все это я Вас благодарю.

Вы нужны. Вы были нужны мне, Вы были нужны детям до меня и будете нужны им после меня. Я Вас прошу: не угасайте и не отчаивайтесь!»

Она — учитель

Вера Александровна — учитель истории и обществознания. В этом году у нее аттестация, нужно сдавать «папку». Эта мысль не отпускает ни на минуту.

Сегодня ей под утро снилась аттестационная папка — жуткая, огромная, черная, с выпирающими блестящими клыками-кольцами. В кошмарном сне папка увеличивалась в размерах, нависала, заслоняя небо, готовилась раздавить Веру... В этот момент раздался звонок будильника, и Вера Александровна проснулась в холодной испарине.

Прошить, пронумеровать, заверить документы, подтверждающие «результаты качества знаний по итогам внешних мониторингов», «результаты участия обучающихся в предметных олимпиадах, имеющих официальный статус», «личный вклад в повышение качества образования», общественную активность, участие в работе предметных комиссий, «выполнение функций тьютора», «результаты личного участия в конкурсе инновационных продуктов» и так далее...

Вера подумала, что не стоит переживать из-за брошенной учебы в аспирантуре: все равно баллов за кандидатскую больше не дают. Звание «Почетного работника образования» оценивается в пятьдесят баллов, а на высшую категорию нужно набрать больше четырехсот пятидесяти. Интересно, что и тех, кто признан «Заслуженным учителем» (а таких Вера лично не знала), также подвергают процедуре аттестации: вдруг у него или у нее общественная активность снизилась или мониторинги снижение качества образования покажут.

Не забыть еще заверить каждый лист у директора и поставить печать. Директору подписывать уже надоело, после заверения документов на высшую категорию начинала болеть рука, и он сделал факсимиле. Надо еще раздобыть дырокол и суровую нитку. Для подачи заявления предстоит сначала записаться в МФЦ на прием. Оформляют быстро, назначают время, когда папку везти на Московский проспект. Надо успеть сдать папку сейчас, а то ходят слухи о новой системе аттестации — там будет экзамен, что-то вроде «ЕГЭ» для учителей, а еще заставят уроки записывать на видео, и эксперты будут их оценивать на соответствие Федеральным государственным образовательным стандартам (ФГОС). Уж лучше сейчас «папку» собрать, все же знакомый формат.

Эта папка занимает все мысли, но и работу никто не отменял. В этом году Вере Александровне дали вести «Основы религиозных культур и светской этики» (ОРКСЭ) в четвертом классе. Для многих так и осталось загадкой, почему этот курс ввели именно в четвертом классе, ведь историю возникновения двух мировых религий проходят в пятом, а ис-

лама — в шестом. Но начальству виднее. Не очень понятно, как бы решался вопрос, если бы родители выбрали несколько разных модулей. Допустим: «Основы мировых религий», «Православие» и «Ислам». Как бы изловчились найти учителей и кабинеты?

Кружки и внеурочные занятия, или ФГОСы, перекочевали в новом году на восьмые уроки... С точки зрения эффективности — это очень сомнительно. А еще Вера Александровна думает, о том, как бы успеть своего ребенка из садика забрать, чтобы он там один не сидел. В десятом классе — четыре учебника по истории. Один — по Всеобщей, а еще три — по истории России. Зачем было делать три книги вместо одной или хотя бы двух? Ответ не очевиден, но догадки есть. Впрочем, материал десятого класса надо растянуть еще на одиннадцатый. При переходе на линейную систему хотели сделать в выпускном классе курс «Россия и мир», но потом планы изменились, и учебник так и не появился. Учебники выпускают почти без карт. Атласы продаются отдельно от контурных карт. Просить родителей покупать карты Вере Александровне было неловко, но и учить историю без карт — это как-то неправильно. Недавно библиотекарь сказала ей, что нужно закупить учебники для одиннадцатого класса. Оказалось, что в новом учебнике тот же материал, что «тянули» в одиннадцатом по учебнику десятого. «Стыковка» получится, не «Союз-Аполлон», но все же.

У Веры Александровны давно сложилось впечатление, что учебники пишутся «на коленке». Однажды она с удивлением обнаружила, что на месте Константинополя в книге обозначен Адрианополь. В прежнем учебнике по «концентру» существовал параграф «Внешняя политика первой половины XIX века». Туда поместили все события царствования Александра I и Николая I, вынеся за скобки только Крымскую войну. Теперь по «линейке» изучение тем стало более глубоким, но они стали настолько дискретны, а параграфы настолько насыщены фактологией без образности, что внятная и яркая картина прошлого у детей по-прежнему не возникает. Кроме того, с Рюриком дети знакомятся теперь в 6-м классе, а вспомнить о нем предстоит в одиннадцатом на экзамене. Например, в заданиях ЕГЭ интересовались статусом закупов, была такая категория зависимого населения в «Русской правде». Очевидно, что в 6-м классе об этом если и говорили, то вскользь и уж точно дети не запомнили.

День, полный уроков, сильно выматывает. В первые годы работы Вера, добравшись до дома, минут сорок стояла под душем в каком-то оцепенении. Помогало. Тяжело даются последние уроки в 5-7-х классах, когда дети сильно устают, начинают отвлекаться, шуметь. Сегодня новый мальчик не хотел садиться за парту с девочкой, но, поскольку мест

больше не осталось, уселся, показывая раздражение всем своим видом. На уроке они стали толкаться, он сбросил ее пенал на пол, тогда соседка ударила обидчика тетрадкой по голове. В словесной перепалке звучали слова «дура», «обезьяна», «тупая», в ответ — «дурак», «козел», «дебил». На уроке удалось конфликт погасить, но через урок Вера Александровна заметила пропущенный вызов от мамы девочки. Похоже, родители захотят сатисфакции. Что-то подсказывало, что виноватым будет учитель. Вера понимала, что нужно как-то ограничивать звонки родителей учеников, что от вечернего звонка съедается личное время, что муж смотрит косо, а своему ребенку не хватает внимания. Хорошо, что Сережа пока ходит в детский сад, и ему не надо сидеть вечером над уроками. Каждый раз, когда по вечерам звонили родители учеников, она думала: вдруг что-то срочное! Просто так люди не будут звонить в девять вечера, или, по крайней мере, у них хватит такта не растягивать разговор на полчаса. Как правило, Вера Александровна ошибалась.

Последнее родительское собрание проходило тяжело. Некоторые мамы возмущались тем, что субботу сделали выходным, и теперь у детей по семь-восемь уроков каждый день. Выдвигались версии, что это учителя себе выходной решили сделать, и дети из-за них страдают. У Веры Александровны, правда, еще и старшие классы, которые учатся в субботу, но родителям не объяснишь. В 5-7-х классах теперь пятидневка, но программу не сократили, отсюда и такое количество уроков. Некоторые мамы кричали, что им не нужен обязательный классный час по понедельникам. В школьной жизни появилась еще одна аббревиатура: «РОВ» («Разговоры о важном») — обязательное время для бесед на первом уроке в понедельник.

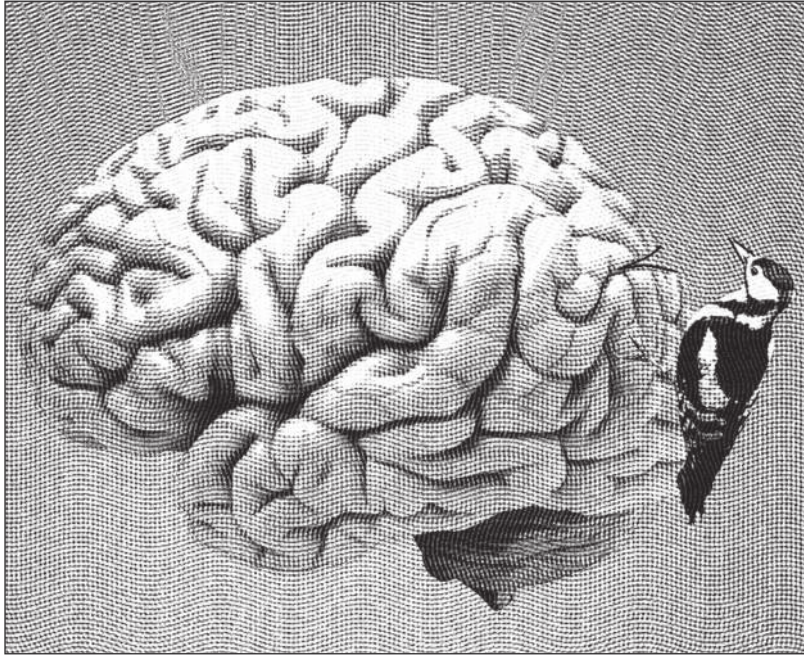
Просматривая материалы на федеральном ресурсе к занятию «Наша страна — Россия», Вера Александровна заметила, что текст о русско-турецкой войне 1787–1791 гг. проиллюстрирован картиной «Штурм Плевны». Это событие, насколько известно, произошло в 1877 г., но подсказать авторам ресурса, видимо, оказалось некому. Для одиннадцатых классов предлагалось расставить семнадцать картинок в несколько исторических периодов в двадцать-тридцать лет. Немудрено было определить Гагарина в 1950–1979, а знамя над Рейхстагом — в 1940–1949 гг. Но эти же старшеклассники на экзамене должны будут написать, например, что в XVIII веке провинция — это промежуточная административная единица между губернией и уездом, вспомнить фамилию режиссера фильма «Покаяние», описать правовой статус посессионных крестьян или условия Кючүк-Кайнарджийского мира.

В ежедневнике Вера Александровна отметила время дежурства (в этот день она точно не успеет пообедать), встреч с учениками по про-

ектной деятельности, совещания методических объединений классных руководителей и учителей истории. Нужно еще сделать флюорографию и не забывать присылать ежедневно до 10:00 таблицу с указанием отсутствующих детей, составить списки желающих участвовать в школьном туре олимпиады и собрать с родителей согласия на обработку персональных данных. Сказали, что электронный журнал необходимо заполнять ежедневно, но сегодня, как назло, завис компьютер, и она не смогла это сделать. Правда, удалось заполнить журнал бесед. Раньше Вере Александровне с трудом удавалось собрать своих оболтусов на седьмом уроке, но теперь с появлением обязательных «Разговоров о важном» и пятидневки беседы по ПДД и различным видам профилактики стало проводить совсем некогда.

Аббревиатуры прочно вошли в жизнь Веры Александровны: ФГОС, ОГЭ, ЕГЭ, КИМ, ППЭ, ВПР, РДР, РДШ, ОДНКНР, РЦОК, ИМЦ... Возникали аллюзии на ранний советский период с его любовью к сокращениям: РСФСР, СНК, РВСР, ВЧК, ВЦИК, ГОЭЛРО... Вера села проверять работы, старалась освободить вечер дома. За окном было пасмурно, ходили низкие тучи — обычная питерская осень. Сегодня она приехала к нулевому уроку, а перед этим еще «забросила» сына в садик. Дети, как обычно, подарили несколько «перлов»: «Партии, занявшие на выборах призовые места, попадают в Думу», «С древних времен общество делится на элиту, люмпенов и таких, как мы», «Я рада, что живу сейчас, когда наша власть отменила крепостное право». Во время проверки девятнадцатой работы голова Веры Александровны отяжелела, опустилась на руку, уставшие веки сомкнулись, и она погрузилась в беспокойный сон. Ей вновь снилась папка, из которой чудесным образом выскакивали страшные и длинные аббревиатуры, кто-то из учеников отчаянно лупил по ним тетрадкой, аббревиатуры пищали, съезживались и запрыгивали в обратно в папку, дети поднимали страшный грохот, несли его на руках и сбрасывали с обрыва.

А в это время сын Веры, Сережа, сидел в садике, одетый, рядом с охранником. Он знал, что мама обязательно его заберет, только нужно еще немного подождать.

Константин Чахиров